

ПАПА
СОВЕТОВАЛ
ЕМУ:

ЕВСТИГНЕЕВЫ

-Когда родители выходили на сцену в гриме, чуда я в этом не видел. Более того, до сих пор помню, как я играл отцовской короной из «Голого короля». Я ею бил его по лысине.

— Вы были классическим театральным ребенком, выросшим за кулисами?

— Конечно, я там все излазил, весь реквизит перетрогал. Там была своя компания: Антон Табаков (мы с ним почти одноклассники, дружим с трех лет), Миша Ефремов, хотя он помладше. Сейчас понимаю, что мы тогда, наверно, здорово хулиганили и крепко мешали. Но нас терпели. К нам относились как к неотъемлемой части театра. Ведь мы родились чуть ли не одновременно с ним.

— Вас не выпускали на сцену в «детских» ролях?

— Меня — нет. Правда, один раз мы с Антоном сами случайно попали на сцену во время какого-то детского спектакля. Проехали на велосипедах мимо остолебеневших актеров.

— А зрители решили, что это режиссерская находка?..

— Возможно.

— Люди, окружавшие ваших родителей и, естественно, вас, были известными, популярными, знаменитыми.

— Но я-то их знал не по искусству. Ну, как я мог относиться, скажем, к Олегу Павловичу Табакову, если знал его с двух лет? Или к Товстоногову, который был моим дядей и абсолютно простым человеком, — со мной он общался точно так же, как с каким-нибудь академиком. Зато оставался пиетет перед людьми незнакомыми. Кино, телевидение создавали мифы, и я помню, в каком был шоке, когда к нам домой пришла Доронина. Перехватило дыхание, я закричал: «Мама! Там Доронина!»

— В «Русском проекте» вы снимали актеров, которые вас наверняка помнят с дошкольного возраста. О Галине Борисовне Волчек я уж не говорю, но Ефремов, Табаков — отцы-основатели

...БЫТЬ
БОГАТЫМ
ТОЛЬКО
В КИНО

«Современника» — пришли на съемки к режиссеру, который когда-то сидел у них на коленях. Не было проблем и комплексов по этому поводу?

— Никаких. Со мной они вели себя абсолютно профессионально. Более того, старались внести что-то свое, дорогое. И я этим пользовался. Попросил Олега Николаевича Ефремова (если помните, сидя за рулем троллейбуса, он объявляет остановки) назвать те московские улицы, которые памятные именно ему. Так возникло: «Сивцев Вражек, следующая Пречистенка». «Я там жил, — сказал Ефремов, — и отец мой там жил. Это дорогие мне места». А на озвучании ролика с космонавтами, играющими в города, Михалков попросил разрешения назвать Кострому — город, связанный с историей его семьи. Пришлось придумывать новую цепочку. Но тут уже Машков говорит: «А можно я Новокузнецк назову? Это мой родной город...»

— Вам пришлось уговаривать кого-то сняться?

— Сложнее всего оказалось объяснить, что это такое. «На автомате» выдавал каждому заранее заготовленный монолог. Кто-то понимал сразу, кому-то приходилось долго объяснять. Многих смущал короткий размер фильмов. Но разговором с Нонной Викторовной Мордюковой горжусь как самой большой творческой победой. Она была для меня ключевой фи-

Рассказывают, что во время давнишних гастролей «Современника» Галина Волчек решила поужинать в местном ресторане. Популярную артистку швейцар узнал сразу. Но не пустил. Его насторожил один из ее спутников: крошечный и в роскошной дубленке. «Детям поздно вечером шастать по ресторанам не полагается!» — насмерть стоял швейцар. Галина Борисовна растерялась: «Что же делать с малолетним сыном Денисом?» И тут кто-то из компании грозно спросил швейцара: «Вы что?! Это заслуженный артист театра лилипутов!»

...ЧИТАТЬ КНИЖКИ

гурой всего проекта. Как сейчас понимаю, сначала были первые комплиментарные 40 минут, потому что, думаю, такая актриса никогда просто так не соглашается. Потом — серьезные 20 минут. И этот час я выдержал, чем сегодня горжусь несказанно.

— А кто-то отказался?

— Мне не удалось уговорить только двух актеров. Юрия Никулина и Женю Миронова. Впрочем, Женя недавно признался, что я ему отомстил. По полной программе...

— Каким образом?

— Его все путают с Лешей Кравченко, сыгравшим часового на Красной площади. «И вот, — рассказывает мне Женя, — едем с приятелем: он за рулем. Нас останавливает гаишник, цепляется к приятелю. Тот просит отпустить: везу, дескать, артиста, опаздываем на спектакль. «Какого артиста?» — «Миронова». — «Что за Миронов такой?» — «Ну, известный очень артист, играл в «Лимите», в «Мусульманине». Милиционер смотрит в упор: «Это тот, который «Дима, помаши маме!»?». «Я сказал «да», — говорит Женя, — и в этот момент понял, как здорово ты мне отомстил».

— Сознаться: фамилия «Евстигнеев» открывала перед вами все двери?

— Как сказать. Поначалу скорее мешала самоутвердиться, мешала людям воспринимать меня и оценивать мою работу вне зависимости от род-

ственных связей. Но и помогала, наверно. Думаю, первое «здрасьте» мне говорили с большей улыбкой, чем кому-то иному.

— В старину это называлось рекомендательным письмом.

— Оно у меня было, это рекомендательное письмо. Другое дело, что я им не пользовался, засунул подальше, в чулан. Отец перестал жить с нами, когда мне было 3 года. У него была своя семья, и виделись мы не так часто. Тогда за три до смерти он, видимо, остро почувствовал потребность в общении и мы стали видеться намного чаще.

— Сейчас вы часто видите с мамой?

— Раз в неделю обязательно. По возможности — чаще. Она сейчас живет на даче, оттуда ездит на работу. Раз в неделю ждет меня с «мамиными» обедами.

— Она вкусно готовит?

— Она готовит интересно. Смешивает какие-то несочетаемые ингредиенты, придумывает нелепые рецепты. Кулинария для нее — творчество. И то, что я приезжаю обедать, для нее очень ценно. Это знак дома.

— Так получилось, что вы — единственный мужчина в семье. Вы этому высокому званию соответствуете?

— Совершенно не соответствую. Нет, ну элементарные вещи — забить гвоздь, просверлить дырку в стене, что-то повесить — я сделать способен. Но большее — никогда. А уж ес-